

УДК 81"367

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Р.А. Юсупов, академик АН РТ, доктор филологических наук

Изучение соотношения фразеологических средств разных языков в плане выявления имеющих в них общих черт и специфических особенностей представляет особый интерес. Это объясняется тем, что фразеологизмы, несмотря на то, что являются наиболее своеобразными элементами лексико-фразеологической системы языков, проявляют значительную способность проникать в другие языки и обогащать их.

Прежде чем приступить к рассмотрению соотношения фразеологических средств русского и татарского языков, необходимо остановиться на вопросе о критериях выделения и классификации фразеологических единиц, с тем чтобы определить основные критерии, свойственные широкому кругу языков, а также единую классификацию, позволяющую осуществить сопоставительное изучение данных средств в разных языках.

Систематизацией и классификацией фразеологического материала одним из первых занялся швейцарский лингвист Шарль Балли. Он выделил три группы фразеологических сочетаний: обычные сочетания, фразеологические группы и фразеологические единства. При этом он отметил отсутствие четких границ между различными видами сочетаний, в том числе между свободными и устойчивыми словосочетаниями (5, с. 88–111).

Впоследствии В.В.Виноградов, развивая идеи Ш.Балли, предложил

свою классификацию, по которой фразеологические единицы подразделяются на три основных типа в порядке убывания степени связи между компонентами: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания (7;8).

Классификация фразеологизмов, предложенная В.В.Виноградовым, с некоторыми уточнениями и поправками была принята многими исследователями фразеологии как русского, так и других языков. Заслуживает внимания в этой связи выделение Н.М.Шанским четвертого типа фразеологических единиц, названных им «фразеологическими выражениями». Это «устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями» (13, с. 201). Классификация Н.М.Шанского находит применение и в исследованиях по другим языкам, в том числе и по татарскому языку (11, с.75–77). Г.Х.Ахунзянов по степени семантико-грамматического слияния компонентов, а также наличию или утрате внутренней формы сочетаний в фразеологизмах татарского языка выделяет «идиоматические единства» и «идиоматические сращения» (2, с.3). Г.Х.Ахатов фразеологические выражения в татарском языке подразделяет на пословицы и поговорки, идиомы и фразеологические сочетания (1).

Среди существующих многочисленных классификаций фразеологических единиц наиболее соответствует требованиям сопоставительного изучения данных средств классификация Б.А.Ларина, в которой учитываются пути становления фразеологизма – от свободного к слитному и далее к неразложимому сочетанию. Б.А.Ларин, имея в виду далеко не полную свободу синтаксических, или свободных сочетаний, обозначил их термином «переменные» и ввел в свою классификацию. По Б.А.Ларину, имеются три типа фразеологизмов: 1) переменные словосочетания, в которые включаются и устойчивые фразеологические сочетания, выделенные в классификации В.В.Виноградова; 2) устойчивые метафорические словосочетания, характеризующиеся «наличием стереотипности, традиционности и метафорического переосмысления, отхода от первоначального значения, иносказательным применением», еще понятным в настоящее время;

3) идиомы, отличающиеся от метафорических сочетаний «более деформированным», сокращенным, далеким от первоначального составом (лексическим и грамматическим) и заметным ослаблением той семантической членораздельности, которая и обуславливает метафоричность (12, с. 222–223). Второй и третий типы в основном соответствуют «фразеологическим единствам» и «фразеологическим сращениям» из классификации В.В.Виноградова.

Классификации Ш. Балли, В.В. Виноградова и Б.А. Ларина, в существенных своих чертах совпадающие, представляют наибольший интерес как для теории перевода, так и для сопоставительного изучения фразеологизмов, поскольку все они опираются на семантический критерий и поэтому применимы к любому языку.

Для сопоставительного изучения фразеологических средств необходимо определить основные критерии выделения данных явлений в разных языках. Между тем в определении критериев «фразеологичности» сочетаний до сих пор нет единства мнений. Не останавливаясь на имеющихся различных мнениях по данному вопросу, мы ограничимся лишь указанием на качества, которые свойственны фразеологизмам всех языков. Это – устойчивость и воспроизводимость, постоянство состава компонентов, невыводимость значения целого из суммы значений составляющих его компонентов, метафоричность, образность, экспрессивность. С точки зрения выявления общего и специфического наиболее важны такие черты фразеологизмов, как степень семантико-грамматического слияния их компонентов, наличие или утрата внутренней формы, образности, а также особенности сочетаемости элементов соотносимых фразеологических единиц.

Главными отличительными признаками общего и специфического в образных фразеологизмах разных языков являются их соответствие или несоответствие по выражаемому значению и образу. Фразеологические сочетания, которые соответствуют и по значению, и по образу, а, следовательно, и по силе выражаемых чувств и экспрессии, представляют собой общие средства данных языков. Фразеологизмы же, построенные на разных образах и выражающие разные значения, рассматриваются как специфические средства соотносимых языков. Общие фразеологизмы предполагают точное или приблизительное соответствие их компонентов по основному номинативному значению. В специфических фразеологических сочетаниях, напротив, отдельные их элементы по основному прямому значению обычно не соответствуют.

Специфическими являются все идиомы и часть фразеологических единств, или устойчивых метафорических словосочетаний. Идиомы (по В.В.Виноградову «фразеологические сращения») как абсолютно неделимые, неразложимые словосочетания, «значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов» (9, с. 21), представляют собой своеобразные обороты речи, свойственные одному какому-либо языку и непередаваемые дословно на другой язык. Среди идиоматических выражений немало устойчивых сочетаний народно-разговорного, в том числе и грубо-просторечного характера. Определенное количество идиом составляют фразеологизмы книжного происхождения, в том числе в русском языке – связанные с библейскими легендами, мифами. Приведем примеры.

В русском языке: *бить баклуши*, *точить лясы*, *собаку съел, так себе*, *куда ни шло, была не была, то и дело*, *хоть куда, труса праздновать*, *диву даться, ни в зуб ногой*, *с копылов долой, семь верст до небес*, *остаться на бобах*, *дать крюку*, *кровь с молоком*, *нести околесицу*, *от аза до ижицы*, *авгиевы конюшни*, *прокрустово ложе*, *гог и магог*, *аредовы веки* и т. д.

В татарском языке: *жик куру* 'замучиться', *тел бистәсе* 'болтун', *кырыкмаса-кырык* 'много', *сафсата сату* 'пустословить', *кот очу* 'испугаться', *балавыз сыгу* 'плакать', *кырыкка ярылу* 'быть очень занятым', *ай күрде, кояш алды* 'очень быстро', *агач атка*, *атландыру* 'обмануть', *хикмәти хода* 'странно', *алла бәндәсе* 'раб божий', *илла мэгәр* 'однако', *гайре табигый* 'неестественный', *ибне-адәм* 'дитя божье' и др.

Многие из специфических идиоматических выражений имеют семантические соответствия в других языках. Так, например, в русском и

татарском языках содержится немало идиом с одним и тем же значением: *вот где собака зарыта* – *имәндә икән чикләвек*, *очки втирать* – *күз буяу*, *засосать в доску* – *жәслеген суыру*, *галду набивать* – *колак итен ашау*, *быть на седьмом небе* – *түбәсе күккә тию*, *лясы точить* – *ләчтит сату*, *бить баклуши* – *трай тибү*, *ни в зуб ногой* – *селексән*, *бер хәрәф тә төшми* и т. д.

Некоторые же идиомы не имеют в других языках соответствий. Их значения при переводе передаются отдельными словами или переменными словосочетаниями. Потеря образности при этом компенсируется передачей слова или необразного сочетания оригинала идиоматическим выражением языка перевода. Такими идиомами являются в русском языке: *это дело десятое*, *иметь зуб*, *из рук вон*, *как пить дать*, *держат в ежовых рукавицах*, *не в своей тарелке*, *наломать дров*, *бузу тереть* и другие; в татарском языке: *тузга язмаган* 'то, во что нельзя поверить', *теңкә кору* 'замучиться', *ваз кичү* 'отказаться', *бәләдән баш-аяк* 'не надо', *сөмсер коелу* 'расстроиться', *эт баш*, *сыер аяк* 'беспорядок' и т. д.. И в русском, и в татарском языке определенную часть идиоматических выражений составляют пословицы и поговорки, характеризующиеся высокой степенью слияния компонентов. Идиоматические пословицы, как и другие разновидности фразеологических сращений, могут иметь и не иметь семантических соответствий в других языках. Примеры таких соответствий: *входящее в уста не оскверняет* – *ризыкның языгы юк*; *не было печали, так черти накачали* – *авыртмаган башка ти-мер тарак*; *что было, то быльем поросло* – *буласы булган*, *буявы уңган*; *в людях Ананья*, *а дома* – *каналья* – *илгә барсаң*, *илгәзәк*, *өенә барсан*, *бик мазәк*. Примеры идиоматических пословиц и поговорок, не имеющих

семантических соответствий в другом языке: а) в русском языке: *не так норовим, чтобы в рот, как чтобы в карман; ночью все кошки серы; нашла коса на камень; купить кота в мешке* и др.; б) в татарском языке: *аллага да юк, муллага да юк* 'никому нет пользы'; *башына тай типмэгән* 'не глупый'; *уң аягын атлаганчы, сул аягын эт ашыи* 'нерасторопный'; *ай күрде, кояш алды* 'очень быстро'; *алыт мактарлык, салып таптарлык түгел* 'посредственный' и т.д. При переводе устойчивых метафорических сочетаний, имеющих лишь семантическое соответствие в другом языке, образ, свойственный одному языку, заменяется образом, характерным для другого языка, или же может совсем исчезнуть. Общий переносный смысл сочетания при этом сохраняется. Так, образ, выражаемый фразеологизмом *стричь всех под одну гребенку* не вызывает у носителя татарского языка тех чувств, какие возникают у носителя русского языка, и переносное значение данного сочетания не будет им понятно. Поэтому переводчик для передачи на другой язык соответствующего значения находит иное средство, выражающее другой образ или лишенное образа. Таким средством в данном случае является метафорическое выражение *барын да бер калыпка салу* 'ставить всех на одну колодку'. Точно так же образ, создаваемый метафоричным сочетанием татарского языка *башыңа төшкәч, башмакчы буласың* (букв.: *суждено, так станешь сапожником*), у русского не вызывает такой эмоции, какую испытывает татарин, и причем для русского останется неясным значение, выражаемое данным фразеологизмом. Вследствие этого при русско-татарской языковой трансформации указанное сочетание татарского языка заменяется таким фразеологизмом русского языка, который соответствует татарскому словосочетанию по

значению и эмоционально-экспрессивной силе, но отличается от него по выражаемому им образу: *в нужде и кулик соловьем свищет*.

Значительную часть специфических метафоричных сочетаний составляют пословицы и поговорки: *долг платежом красен – кунак ашы кара-каршы; мал золотник, да дорог – кечкенәнең эче тулы төш кенә; с песни короткий спрос – жырның ертыгы юк; язык мой – друг мой – яхшы сүз жан азыгы; не дорог подарок, дорога любовь – инә дә булак, дөя дә булак; мое во мне, а чужое будет при мне – калганы әрәм түгел, тапканы харам түгел* (вариант: *эти тапкан мал түгел, кешенеке жәл түгел*) и др.

Из необразных тождественных по смыслу фразеологических выражений контактирующих языков специфическими являются такие, в которых компоненты, употребляющиеся в переносном значении, в основном номинативном значении не соответствуют друг другу, а также такие, значение которых на другом языке передается словом или свободным словосочетанием. Подобные фразеологизмы по классификации Б.А.Ларина входят в разряд переменных сочетаний, а по классификации В.В.Виноградова фразеологических сочетаний. В основе замены компонента фразеологизма в одном языке не соответствующим ему по основному значению элементом во втором языке лежит различная в разных языках сочетаемость слов из одной семантической сферы. Слово *тоска* в русском языке сочетается со словом *забрать* в переносном значении, в татарском языке слово *сагыш*, являющееся соответствием русского *тоска*, не сочетается ни с одним из ряда слов, представляющих собой соответствия слова *забрать*. Вследствие этого в татарском языке приходится

подобрать такое слово, которое в сочетании со словом *сагыш* выражало бы то же самое значение, которое содержится в русском сочетании *забрала тоска*. Таким словом является *басу* 'давить' (*сагыш басты*). Аналогичное соотношение компонентов наблюдается и в таких словосочетаниях, как *жить душа в душу – күзгә күз карашып яшәү, злость берет – ачу чыга, в единстве сила – берлектә тереклек, бросаться со всех ног – жан-фәрманга йөгерү*. Специфическими по отношению к татарскому языку являются русские фразеологические сочетания, значение которых на татарский язык передается словом или свободным словосочетанием. Например, сочетания, в которых круг употребления слова *брать* фразеологически замкнут: *страх берет – куркыта, тоска берет – сагындыра, досада берет – үкенечле, смех берет – көлдерә (көләсе килә)* и т.д.; а также словосочетания *закадычный друг – якын дус, беспросытное пьянство – туктаусыз эчү* и др. Татарский язык также располагает большим количеством необразных устойчивых сочетаний, значения которых на русский язык передаются словами или свободными сочетаниями: *коелып төшү – растеряться; ярылып яту – быть отчетливо видным; карап торган – все, что есть, единственный; төртсәң, аварга тору – слабый, захудалый; кычкырып тору – быть отчетливо заметным; череп баю – разбогатеть; карап туйгысыз – загляденье; югалып калу – растеряться; шар ачык – открыто настезь; шабыр тиргә бату – весь в поту; жан ачуы – очень сильное зло.*

Как видно из примеров, необразные фразеологические сочетания с точки зрения особенностей сочетаемости очень близки к так называемым свободным сочетаниям, которые, как мы увидим в дальнейшем, также не

совсем свободны по сочетаемым свойствам.

Для практики двуязычия важно четко различать специфические фразеологизмы языков. В противном случае в результате дословного перевода фразеологизмов с одного языка на другой могут быть созданы неудачные конструкции устойчивых сочетаний. Это особенно касается тех устойчивых сочетаний, в которых мотивированность еще не совсем утеряна и внутренняя форма просматривается, в результате чего создается мнимая возможность передачи компонентов сочетания с одного языка на другой. В переводах с русского языка на татарский имеют место случаи буквального перевода фразеологизмов русского языка, тогда как их следовало заменить соответствующими по значению устойчивыми сочетаниями татарского языка. Например: *сень бед – один ответ – жиде балаг бер жавап; горшок об горшок и без обиды врозь – чүлмәккә чүлмәк шалт, ачуланышмый-нитми аерылыштың киттең* (из перевода «Поднятой целины» М.Шолохова), *живые цветы – тере чәчәк, жирная буква – симез хәрәф* (из газеты), *ставить на доску – такта өстенә кую, работать спустя рукава* («Рассказы по истории СССР») – *кул очыннан эшләү, колом не выбить – казык белән бәрәп чыгара алмау* и др. При замене в переводе с одного языка на другой специфических фразеологизмов нельзя использовать устойчивые сочетания, в состав которых входят названия специфических реалий. Речь идет о таких фразеологизмах, как *авгиевы конюшни, аредовы веки, казнь египетская, фиговый листок, колосс на глиняных ногах* в русском языке и *Гали Вәлигә, Вәли Галигә* 'Гали Валию, Вали Галию'; *син дә мулла, мин дә мулла, атка печән кем сала* 'и ты мулла, и я мулла, кто же лошади даст сена', *ни аллага, ни муллага* 'ни

богу, ни мулле'; *мисыр күгәрчене* 'египетский голубь'; *сыйрат күпере аша үткәрү* 'подвергнуть суровым испытаниям' в татарском языке.

Сопоставительное изучение устойчивых сочетаний русского и татарского языков дает полное основание утверждать, что фразеологические средства, хотя в целом и рассматриваются как явления, характеризующиеся национальным своеобразием, в настоящее время не ограничиваются рамками лишь одного языка. Русский и татарский языки располагают большим количеством одинаковых и сходных фразеологизмов. Об этом убедительно свидетельствует даже один тот факт, что из более чем двух с половиной тысяч единиц, включенных в «Русско-татарский фразеологический словарь языка В.И.Ленина» (4), преобладающее большинство (более 80 процентов) составляют общие средства, а также из трех тысяч фразеологических выражений, вошедших в «Русско-татарский фразеологический словарь» (6), около 30 процентов составляют устойчивые сочетания, употребляющиеся как в русском, так и в татарском языке. Разумеется, данные словари охватывают далеко не все фразеологическое богатство русского и татарского языков, таким образом, фактическое число общих устойчивых сочетаний данных языков безусловно значительно больше.

Общими следует рассматривать также фразеологизмы с тождественным значением в обоих языках, которые выражают в основном одинаковый образ, а также такие, существенные компоненты которых соответствуют по выражаемому ими основному номинативному значению.

Существование большой общности во фразеологических средствах русского и татарского языков обусловлено двумя основными факторами. Первый из них заключается в един-

стве главных мыслительных актов всех народов. Причем в данном случае необходимо говорить об общих чертах художественного мышления носителей разных языков. Преобладающее большинство устойчивых сочетаний, как и всех тропов в языке, построено на переносном употреблении словосочетаний. А это связано с процессами уподобления, сравнения явлений природы с явлениями, происходящими в жизни людей, в их поступках, поведении, общественных отношениях, а также уподобления одних действий человека другим, чаще – физических умственным. Поскольку реальная действительность, явления природы в основном едины для всех народов и в характере, поведении, действиях, отношениях, образе жизни людей много общего, то и в фразеологических средствах, отображающих все это, не могут не проявляться общие черты.

Второй фактор заключается в давних тесных связях русских и татар, которые объективно способствуют интенсивному развитию того общего в фразеологических средствах их языков, как и в других средствах выразительности, которое обусловлено единым характером основ художественного мышления.

Общность наблюдается, прежде всего, в существовании у ряда различных народов устойчивых выражений с одинаковым значением. Это особенно ярко проявляется, как было отмечено в первой главе, в функционировании у многих народов значительного количества пословиц с одинаковой моралью. Эту общность можно было бы назвать семантической.

Но имеется большая общность и в плане семантико-структурном. Такую общность представляют собой фразеологизмы, соответствующие в языках и по переносному значению, и по выражаемому ими образом. Последнее предполагает также соответствие

всех или главных компонентов по их основному номинативному значению.

Среди семантико-структурных фразеологических соответствий: в русском и татарском языках выделяется основной фонд, который охватывает наиболее широкоупотребительные фразеологизмы. Это – главным образом устойчивые метафорические сочетания, в том числе пословицы и поговорки, возникшие в обоих языках параллельно и еще в далеком прошлом заимствованные из русского языка в татарский посредством калькирования. Отличить собственные фразеологизмы от калькированных очень трудно, так как перенятые из русского языка выражения в татарском усвоились полностью. Примеры: *сквозь огонь и воду – ут-су аша; с глаза на глаз – күзгә-күз; бросаться в глаза – күзгә ташлану; ставить на ноги – аякка бастыру; взять себя в руки – үзенне кулга алу; наступить на хвост – койрыгына басу; из кожи лезть – тиредән чыгу; мелко плавать – сай йөзу; не слезать с плеч – жилкәдән төшмәу; сухим из воды вылезть – судан коры чыгу; шкуру снимать – тирене туну; надевать хомут – камыт кию; море по колено – диңгез тубыктан; семь раз отмерь, один раз отрежь – жиде кат үлчә, бер кат кис; что посеешь, то и пожнешь – ни чәчсәң, шуны урырсың; цыплят по осени считают – чебеине көз көне саныйлар; кто не работает, тот не ест – кем эшләми, шул ашамый; куй железо, пока горячо – тимерне кызуында сук; поднявший меч от меча и гибнет – кылыч күтәргән кылычтан үлә; шила в мешке не утаишь – без капчыкта ятмый; утро вечера мудренее – иртә кичтән хәерлерәк; много будешь знать, скоро состаришься – күп белсәң, тиз картаерсың, горбатого могила исправит – бөкрене кабер генә төзәтә; яблоко от яблони недалеко падает – алма агачыннан*

ерак төшми; яйца курицу не учат – йомырка тавыкны өйрәтми. Все компоненты данных фразеологизмов соответствуют друг другу по своим основным прямым значениям. Среди фразеологизмов основного общего фонда много и таких, у которых не все компоненты по отдельности соответствуют друг другу. Это несущественные для образа и значения различия, связанные с особенностями языка. Например: висеть на волоске – кыл өстендә тору; выжить из ума – акылдан шашу; выплакать глаза – елый-елый күзсез калу; вымокнуть до нитки – (коры) жәп бөртеге дә калмау; во цвете лет – чәчәк чагы; в рот воды набрать – авызына су кабу; в такую погоду добрый хозяин и собаку не выгонит – мондый көндә юньле кеше (хужа) этен дә чыгармый; в марте курица из лужицы напьется – мартта тавык (чыпчык) эчәрлек су була; вор у вора дубинку украл – каракныкын бур урлый; всякая собака по-своему лает – һәркем үзенчә өрә; всякий дурак красному рад – тиле кызылга гашиыйк.

Фразеологизмов основного общего фонда и первого, и второго типов в обоих языках довольно много, особенно – пословиц и поговорок.

Весьма широк круг устойчивых сочетаний, ставших общими для русского и татарского языков в послеоктябрьский период, когда в татарском языке появилось большое количество фразеологических выражений, образованных по образцу соответствующих средств русского языка. В определенной степени пополнился и фразеологический фонд русского языка, особенно пословицами и поговорками, созданными по образцу соответствующих средств татарского языка. Этот процесс, прежде всего, связан с переводческой деятельностью, которая приняла у нас широкий размах.

Фразеологизмы, калькированные с русского языка, вначале бытуют в языке переводных художественных произведений, материалов прессы, публицистической литературы. В дальнейшем они постепенно проникают в язык оригинальных произведений художественной литературы, публицистики, материалов печати, радио, телевидения и наконец – в общенародный язык.

Фразеологические сочетания, созданные в татарском языке в послеоктябрьский период по моделям русского языка, имеют две основные разновидности. Первая – это такие устойчивые выражения, в которых соответствие выражаемого ими переносного значения и образа оригинала сопровождается также соответствием по отдельным элементам, т. е. это дословные переводы (за исключением случаев несоответствия некоторых служебных слов и грамматических форм). Например: *по последнему слову техники – техниканың соңгы сүзе белән; поднимать целину – чирәм күтәрү; находить общий язык – уртак тел табу; протянуть руку помощи – ярдәм кулы сузу; ставить точку – нокта кую; перегнуть палку – таякны артык бөгеп ташлау; смотреть сквозь пальцы – бармак аша карау; проводить линию – линия үткәрү; очистка мозгов – миләрне чистарту; переживать вторую молодость – икенче яшьлеген кичерү; перевести на мирные рельсы – тыныч рельска күчерү; черное золото – кара алтын; зеленая улица – яшел урам; первые ласточки – беренче карлыгачлар; остров Свободы – Азатлык утравы; царица полей – кырлар патшасы; перевернуть вспять колесо истории – тарих тәгәрмәчен кирегә әйләндерү; бросаться из одной крайности в другую – бер чиктән икенче чиккә таилану; под ногами земля горит – аяк астында жир яна; крутить*

одну и ту же пластинку – бер ук пластинканы әйләндерү; человек человеку друг, товарищ и брат – кеше кешегә дус, иптәш һәм туган; кто сказал А, должен сказать и Б – А дигән кеше Б ны да әйтергә тиеш; семья не без урода – семья гарипсез булмый; не место красит человека, а человек красит место – кешене урын бизәм, урынны кеше бизи; человек рожден для труда, как птица для полета – кош очар өчен, кеше хезмәт вчен яратылган; большому кораблю большое плавание – зур корабка олы диңгез; что писано пером не вырубишь топором – каләм белән язганны балта белән юнып булмый; на ошибках учатся – ялгыша-ялгыша өйрәнәләр.

Дословный перевод указанных и подобных фразеологизмов возможен потому, что, во-первых, образы, выражаемые сочетаниями русского языка, понятны и воспринимаются носителями татарского языка, во-вторых, прямые значения элементов выражений в значительной степени сохранились и, в-третьих, слова, входящие в состав фразеологизма языка-источника, и их соответствия в языке перевода сочетаются одинаково.

Однако в практике часто приходится несколько изменять отдельные компоненты фразеологизма исходного языка. Но это изменение должно быть лишь в той степени, чтобы не изменить образ оригинала, т.е. изменение должно касаться лишь тех слов, которые не играют существенной роли в составлении образа и переносного значения. Фразеологизмы, в незначительной мере измененные по сравнению с оригиналом, и составляют вторую разновидность устойчивых сочетаний татарского языка, в основном соответствующую фразеологическим единицам русского языка.

Эти несущественные изменения формы и содержания исходного фразеологизма преследуют цель придать

сочетанию естественную для языка перевода форму при сохранении значения и образа оригинала, а также соответствующей эмоции и экспрессии.

Приспособление русского фразеологизма к особенностям татарского языка связано с решением ряда задач. На некоторых из них мы и остановимся сейчас.

1. Тот или иной компонент исходного фразеологизма заменяется таким словом языка перевода, которое не является точным соответствием оригинала, но, будучи лексемой из близкой семантической сферы, в данном контексте более выразительно и более верно передает исходное значение. Так, в переводе фразеологизма *достать птичье молоко* (*күгәрчен сәте табу*) элемент *птичье* передан отступающим от словарной точности, но близким по своей семантике словом *күгәрчен* 'голубь', так как понятие *күгәрчен сәте* 'голубиное молоко' в татарском языке является более выразительным, более естественным, чем понятие *кош сәте* 'птичье молоко', образуемое при дословно точном переводе. В переводе фразеологизма *не лезет в рамки* (*киртәгә сыймый*) *рамка* переведена словом *киртә* 'ограда', которое в данном контексте более привычно, более естественно и в то же время верно передает значение оригинала. То же самое наблюдается в устойчивом сочетании *очны очка ялгау*, образованном по образцу *концы с концами сходятся*. Незначительное изменение оригинала заключается в том, что *сходятся* переведено словом, не совсем точно соответствующим ему по основному значению (*ялгау* 'связать'). Тем не менее, в целом фраза и по содержанию и по форме соответствует оригиналу. Примерами таких приспособленных фразеологизмов являются также *заман белән бергә атлау* 'шагать в ногу с жизнью' (букв.: *шагать вместе с временем*), *утка ке-*

росин сибү 'лить масло в огонь' (букв.: *лить керосин в огонь*), *ике кулсыз калу* (*булу*) 'как без рук' (букв.: *остаться (быть) без обеих рук*), *сөзгәк сыерга мөгез үсми* 'бодливой корове бог рогов не дает' (букв.: *у бодливой коровы рога не растут*), *кылыч күтәргән кылычтан үләр* 'кто с мечом придет, от меча погибнет' (букв.: *поднявший меч от меча умрет*) и др.

2. Во фразеологизме языка перевода появляются дополнительные слова, которым нет прямых соответствий в исходном сочетании. Введение дополнительных элементов служит целям обеспечения соответствующей выразительности фразеологизма, естественности и полноты образа и значения. Например: *твердый орешек – каты кабыклы чикләвек* 'орешек с твердой скорлупой'. Для носителя татарского языка более естественно понятие и его выражение *орешек с твердой скорлупой*, чем *твердый орешек*. *Искать днем с огнем – көндөз ут яндырып эзләү* 'искать днем, зажигая свет'. В данном переводе добавление слова *яндыру* 'зажигать' объясняется тем, что в татарском языке значение исходного фразеологизма будет выражено более полно именно при употреблении данного слова, чем без него. То же самое происходит и в следующих фразеологизмах-соответствиях: *отдашь руками, вернешь ногами – кулың белән биргәнне аягың белән йөрөп алырсың* (букв.: *то, что отдал руками, вернешь, ходя ногами*); *разорванное не свяжешь – бер өзәлгәнне кире ялгап булмый* (букв.: *то, что разорвано, не свяжешь вновь*); *едешь на день – бери хлеба на неделю – бер көнлек юлга чыксаң, атналык азык ал* (букв.: *если выходишь в однодневную дорогу, то продуктов бери на неделю*); *где больно, там рука, где мило, там глаза – авырткан жсирдән кул китми, сөйгән кешедән күз китми* (букв.: *от того места, где болит,*

рука не отходит, с того, кого любишь, глаз не сводишь и др.

Определенные преобразования элементов исходного фразеологизма, не приводящие к существенному изменению его значения и образа, осуществляются и в устойчивых сочетаниях, созданных в русском языке по образцу татарских фразеологизмов. Например: *тәвәккәлдә тау көче – кто рискнет, тот гору свернет; арсланның ялы, ирнең сакал-мыегы – льва красит грива, мужчину – усы и борода* (2, с. 95).

Добавление отдельных слов в татарском фразеологизме, отсутствующих в соответствующем русском, обуславливается и особенностями построения татарских пословиц и поговорок. Одной из таких особенностей является завершение многих пословиц вспомогательным глаголом *булу* 'быть': *первый блин комом – беренче коймак төерле була; нет ума у голодного – ачның акылы булмый; домом не управил – так и волостью не управит – үзеңдә баш булмаган өязгә чыгып баш булмас; и не красива, да счастлива – буең булмасын, бәхетең булсын* и др.

Другая особенность татарских пословиц, приводящая к добавлению, вернее к повторению слова, связана с тем, что если в русской пословице, представляющей собой сложносочиненное предложение с отношением противопоставления компонентов, глагол-сказуемое употребляется лишь в первой части сложной конструкции, то в татарской один и тот же глагол-сказуемое ставится в обеих ее частях. Например: *больной умирает раз, а ленивый каждый день – авыру бер үләр, ялкау көн дә үләр; не конь везет, а овес – ат тартмый, солы тарта*. Но имеются и дословные переводы пословиц с подобной конструкцией: *готовь сани летом, а телегу зимой – чананы жәйдән, арбаны кыштан әзерлә*.

В русских фразеологизмах, созданных по образцу татарских, употребляются союзы, которых нет в татарских словосочетаниях: *бәхет күктә булмый, кулда була – счастье не в небесах, а в руках; дуслык ашаганда беленми, эшләгәндә белән – дружба познается не за обедом, а за делом; халык әйтсә, хата әйтмәс – если скажет народ, то не оговорится* (2). Использование дополнительных союзов обусловлено синтаксическими особенностями русского языка.

3. При создании фразеологизма в одном языке по образцу тождественного по смыслу сочетания другого языка опускаются отдельные несущественные по значению элементы языка-источника. Такое изменение осуществляется в целях обеспечения естественной интонации, выразительности фразеологической единицы. Сокращение некоторых слов сочетания оригинала наиболее часто происходит при переводе пословиц, которые характеризуются афористичностью, лаконичностью, особой интонацией и своеобразной структурой. Точное воспроизведение всех элементов фразеологизма оригинала не позволило бы создавать естественные для языка перевода сочетания. Сокращения распространяются на следующие категории слов:

а) Самостоятельные слова, опущение которых при переводе не изменяет значения фразеологизма языка перевода в силу его специфической структуры: *весна красна цветами, а осень плодами – яз чәчәге белән, көз жимеше белән* (в переводе не нашло отражения слово *красна*, значение которого в татарском сочетании предполагается из контекста); *если ложкой не наелся, языком не нализеешься – ашап туймаганны ялап туймасың* (букв.: *не наелся, так не нализеешься*; в татарском тексте нет необходимости воспроизведения слов *ложкой* и *язы-*

ком); *не рой другому яму, сам в нее попадешь* – *кешегә баз казыма, үзең төшәрсең* (букв.: *не рой другому яму, сам попадешь*; значение слов в нее в татарском тексте понятно из контекста, воспроизведение же данного элемента соответствующим словом *аңа* нарушило бы естественную для татарского языка структуру пословиц).

б) В силу того, что русскому языку более, чем татарскому языку, свойственно употребление сложноподчиненных предложений с относительными словами, при переводе пословиц сложной синтаксической структуры названные средства связи компонентов сложных конструкций в татарской пословице иногда опускаются: аналитические предложения передаются синтетическими. Например: *кто посеет ветер, тот пожнет бурю* – *жыл чәчкән давыл урыр*; *каково лукошко, такова ему и покрывка* – *чиләгенә күрә капкачы*; *кто не работает, тот не ест* – *эшләмәгән ашамый*; *что у трезвого на уме, то у пьяного на языке* – *аекның күңелендә, исерекнең телендә* и др. Но немало татарских пословиц, точно соответствующих по структуре русским. Некоторые же из пословиц имеют и синтетические, и аналитические варианты: *кто не работает, тот не ест* – *кем эшләми, шул ашамый* (*эшләмәгән ашамый*), *каково дерево, таков и плод* – *агачы нинди, жимеше шундый* (*агачына күрә жимеше*) и др. Под влиянием русского языка пословицы аналитической конструкции в татарском языке приобретают большее распространение.

При переводе с татарского языка в русских пословицах относительные слова употребляются и тогда, когда их нет в соответствующих татарских.

в) Отличительной чертой татарских пословиц является то, что им несвойственно употребление союзов. В этом проявляется одна из особеннос-

тей истории развития татарского языка: в первоначальный период сложные предложения оформлялись без союзов. Эта особенность и нашла отражение в структуре пословиц как древней формы выразительных средств разговорного языка народа. Поэтому при создании в татарском языке пословиц по образцу русских сочетаний союзы языка оригинала опускаются. И это является одним из эффективных способов достижения лаконичности, афористичности калькированных пословиц татарского языка: *береги платье снову, а честь смолоду* – *киеменне яңа чагыннан, намусыңны яшьтән сакла*; *добрая слава лежит, а худая по свету бежит* – *яхшы хәбәр жүрдә кала, яман хәбәр илгә тарала*; *была бы шея, а хомут найдется* – *муены булса, камыты табылыр*.

4. Важнейшей общей чертой и русских, и татарских пословиц является построение многих из них на ритме и рифме. Задачи создания при переводе полноценной, адекватной пословицы требуют воспроизведения в калькированном фразеологизме рифмы и ритма исходного устойчивого сочетания. Как показывает практика, в преобладающем большинстве случаев это удается.

Осуществление этой задачи вызывает объективную необходимость использовать те или иные формы вышеуказанных изменений отдельных элементов исходного сочетания, не приводящих в целом к существенному изменению значения и формы оригинала. Татарский язык располагает множеством примеров удачного создания пословиц, построенных на рифме и ритме по образцу русского языка, которые наряду с тем, что сохраняют значение и образность исходного сочетания, обладают всеми свойствами, характерными для пословиц татарского языка. Примеры: *глупый осудит, а умный рассудит* –

тиле гаеп итәр, акыллы фикер итәр; гордись не ростом, а умом – буй белән түгел, уй белән; за добро не жди добра – ит яхшылык, көт яманлык; каков батька – таковы и детки – атасы нинди, баласы шундый; дают – бери, бранят – беги – чакырганда бар, куганда кайт; вырасти вырос, а ума не вынес – буге үскән, акылы үсмәгән; всякий дурак красному рад – тиле кызылга кызыга.

Татарские пословицы из подобных соответствий представляют собой, по-видимому, образные средства, созданные народом в результате длительных контактов с русскими. Немало и таких татарских пословиц, удачно образованных по русским моделям отдельными писателями и переводчиками, в которых, кроме образов и значения, сохранены также и ритм, и рифма оригинала. Например: *так они и есть мужики, из лыка деланные, хворостом скляченные – мужик–мужик инде ул, юкәдән үргән, чыбыктан корган; где хочу, там и топчу – кая телим, шунда йөрим; колхоз – дело добровольное, хочешь – иди, не хочешь – со стороны гляди – колхоз – ул ихтыярлы эш, теләсән, кер, теләмәсәң читтән карап тор* (Шол.) Показателен в этом отношении и перевод иносказаний в произведениях А.С.Пушкина: *будет дождик, будут и грибки, будут грибки, будет и кузов – яңгыры булса, гәмбәсе булыр, гәмбәсе булгач, кызавы табылыр; стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте – чиркәүне кичке гыйбадәткә кага башлаганнар иде дә, поп хатыны рөхсәт итмәде: поп үзе кунакта, ә жәннәре зиратта.*

Однако иногда переводчики не учитывают особенностей в построении русских и татарских пословиц, механически переносят формы одного языка в другой. В результате появляются несовершенные, неестественные пословицы. Например: а)

следующие пословицы тяжеловесны, многословны: *эт өрер арса да, бүре йөрер туймас* 'собака лаять устанет, а волк ходить не перестанет' (надо: *эт өрер, бүре йөрер*); *өңдә нөрсә булганын күришәннән чыгып сора* 'о своих делах узнавай всегда у соседки' (надо: *өңдәгән күришдән сора*); *нинди салам бирсәң, шундый жавап алырсың* (газ.) 'каков привет, таков ответ' (надо: *соравына күрә жавабы или соравы нинди, жавабы шундый*); *кемгә күп бирелгән, шуңардан күп сорала да* 'кому много дано, с того и много спросится' (газ.) (надо: *күп бирелгәннән күп сорала*); б) в следующих пословицах шероховатость, неестественная интонация возникают из-за употребления различных союзов: *тавышың үзеңнеке, ләкин жырың кешенеке* 'голос-то свой, песня чужая' (надо: *тавышың үзеңнеке– жырыңгына кешенеке*); *дөнъяда көтеп тору һәм куып эшитүдән дә яман нәрсә юк* 'хуже всего на свете – это дожидаться и догонять' (Шол.) (надо: *дөнъяда көтеп тору белән куып эшитүдән начар нәрсә юк*); *хезмәт тәрбияли, ә ялкаулык боза* 'труд кормит, а лень портит' (надо: *хезмәт тәрбияли– ялкаулык боза*);

в) в этой пословице не воспроизведена рифма, хотя это не представляло особой трудности: *атлары ят, дилбегәсе черек* 'кони чужие, вожжи гнилые (Горьк.) (надо: *атлары кешенеке, дилбегәсе күришенеке*);

г) данные пословицы не воспринимаются как метафорические сочетания, и их значение трудно понять: *жиде балагә бер жавап* 'семь бед – один ответ'; *чүлмәккә чүлмәк шалт, үпкәләшми-нитми аерылыштың киттең* 'горшок об горшок – без обиды врозь' (Шол.); *мужиклар алар барысы да бер имән күркәсе* 'мужики – все одного дуба желуди' (Горьк.); *турылык күзне төртә* 'правда глаза колет' (газ.);

г) элемент сравнения, входящий в состав русского фразеологического сочетания, не естественен для языка перевода: *зур таракан булганчы, кечкенә балык булуы яхшы* 'лучше маленькая рыбка, чем большой таракан';

е) в некоторых пословицах (а также в других разновидностях фразеологизмов) нарушаются нормы сочетаемости слов: *чит мэхалләгә үз тәртипләрең белән бармыйлар* 'в чужой монастырь со своим уставом не ходят' (в татарском языке слова *тәртип белән* 'порядком' не сочетаются со словом *бару* 'идти'; можно было бы данное сочетание преобразовать как *тәртип урнаштыру* 'установить порядок'); *вакыт безнең файдага эшли* 'время работает в нашу пользу' (не сочетаются слова *вакыт* 'время' и *эшләү* 'работать'; нужно было: *вакыт уза* или *бара* 'время проходит или идет').

Неудачные пословицы встречаются и в переводах с татарского языка. Например: *мать думает о детях, а дети – о степи (ана күңеле балада, бала күңеле далада), горе на гору поднимает (башыңа төшсә, башмакчы булырсың), одинокая девица – заплутавшая в степи одинокая утка (ялгыз кыз – даладагы каз)* (Ярул.), *глупые уста произносят умные слова (тиле авыздан акыллы сүз)* (Әпс.). Данные пословицы неточно передают значение оригинала.

Незначительное изменение фразеологической единицы оригинала в целях придания ему свойственной для языка перевода формы – самый рациональный и широко распространенный способ калькирования иноязычных устойчивых сочетаний. Данный способ, как видно из примеров, позволяет создавать естественно звучащий фразеологизм по образцу сочетания другого языка, сохраняя при этом значение и образность оригинала.

Анализ фразеологического фонда татарского языка показывает, что зна-

чительную часть фразеологического богатства данного языка составляют устойчивые сочетания, калькированные с русского языка. Образование новых фразеологических средств по образцу русского языка в настоящее время происходит особенно активно. Этому способствует широко развитая переводческая деятельность, а также массовое татарско-русское двуязычие.

Интенсивное развитие общего фразеологического фонда происходит, прежде всего, за счет перевода пословиц и поговорок, которые легче и точнее других разновидностей фразеологических единиц передаются с одного языка на другой. Последнее объясняется тем, что отдельные их элементы в значительной мере сохранили самостоятельное значение. При этом в преобладающем большинстве пословиц и поговорок довольно заметно ощущается их первоначальное прямое значение, что и дает возможность переводить их дословно или с небольшим изменением. Точная передача пословиц и поговорок при наличии такой возможности определена теорией перевода. Как отмечает М. Заверин, пословицы и поговорки с одинаковой моралью, но с различным образным содержанием нужно и можно переводить, так как в них отражается многовековой опыт, результат познавательной деятельности народа, создавшего эти средства выражения (10, с. 78). Следовательно, пословицу и поговорку необходимо переводить даже в том случае, когда в языке перевода имеется готовое выразительное средство, тождественное оригиналу по значению, но отличающееся от него по выражаемому образу. Так, русской пословице *дареному коню в зубы не смотрят* по значению соответствуют собственно татарские пословицы – *биргәннең битенә бакмыйлар; дөя дә бүләк, төймә дә бүләк*

и т. д., которые отличаются от неё по образному содержанию. И поэтому в татарском языке появляется еще одна поговорка, точно переведенная с русского языка и воспроизводящая, наряду со значением, также и образ исходной поговорки («бүләк атның тешен тикшермиләр»).

В условиях все более усиливающихся контактов народов России

возможности пополнения общего фразеологического фонда все более возрастают. Ярким свидетельством этого служит обогащение татарского языка поговорками и крылатыми выражениями и другими разновидностями фразеологических единиц, образованных по образцу соответствующих средств русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахатов Г.Х.* Фразеологические выражения в татарском языке. Автореф. канд. дисс. – Изд-во Казанского университета, 1954.
2. *Ахунзянов Э.М.* О разграничении интерференции и трансференции в условиях языковых контактов // ВЯ. – 1978. – № 5.
3. *Ахунжанов Г.Х.* Мәкальләр тәржемәсе турында // С.Фәйзуллин. Ике тел хәзинәсе. – Казан, 1964.
4. *Байрамова Л.К.* Русско-татарский фразеологический словарь языка В.И.Ленина. – Казань, 1979.
5. *Балли Ш.* Французская стилистика. – М., 1961.
6. *Борьанова Н.Б., Мәхмүтова Л.Т.* Русча-татарча фразеологик сүзлек. – Казан, 1959.
7. *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // А.А. Шахматов. Сборник статей и материалов. – М.–Л., 1947.
8. *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды научной сессии Ленинградского государственного университета. Секция филологических наук. – Л., 1946.
9. *Виноградов В.В.* Русский язык. – М., 1947.
10. *Заверин М.* О переводах. – Тбилиси, 1960
11. *Курбатов Х.Р.* Татарская лингвистическая стилистика и поэтика. – М., 1978.
12. *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Ученые записки Ленинградского университета. – № 198, серия филологических наук. Вып. 24. – Л., 1956.
13. *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка. Изд. 2-е. – М., 1972.